

СМЕНОВЕХОВСТВО

С. С. ЛУКЬЯНОВ

Революционное творчество культуры

Борьба с большевизмом ведется под знаменем борьбы за культуру. Большевики разрушают русскую культуру — утверждают противники революции. И действительно в огне революции сгорели многие духовные ценности, погибли многочисленные прекрасные воплощения прошлого, истлело прежнее право, сжалась свобода, исковеркан и обезображен быт. Тяжелые опустошения потрясли экономическую жизнь страны.

Так что же? Великая Русская Революция — лишь распад, гибель, разрушение культуры?

Говоря о культуре, необходимо различать ее носителя и самое содержание определенной культурной стадии. Далее, в содержании того или иного культурного мира можно легко выделить элементы безусловной культурной ценности, неотменяемые временем, воспринятые в сокровищницу общечеловеческих вечных ценностей. Наряду с ними выступают относительные культурные ценности, по преимуществу характеризующие *данную* культурную эпоху.

Смены культурных миров, внутренние изменения их содержания, появления нового носителя культуры — будь то народ, племя, общественный класс — вызываются нередко насильственно, в порядке революционного процесса. Неизбежные в этом случае разрушения иногда надолго отбрасывают назад соответствующую часть человечества, создавая иллюзию регресса. В трудном прошлом человечества нам видится, таким образом, не непрерывный факельный бег, не легкое восхождение привычного путника на горные высоты, а утомительное блуждание каравана, то гордо с высот оглядывающегося на пройденный путь, то смутно ищущего в темных ущельях тропинок на снежные вершины.

Революционные перевороты различно отражаются на безусловном и относительном содержании культуры и на ее носителе в зависимости от тех задач, которые им суждено бывает разрешить.

Бывали революции, которые сравнительно мало меняли культурное содержание эпохи и приводили к тому, что на место старого руководящего в культурном отношении общественного слоя приходил новый носитель культуры, в основном усваивавший и продолжавший культурные традиции своего предшественника. Так, Великая французская революция или Смутное время в России, выдвинув новый общественный класс, не нарушили коренным образом естественного роста старого культурного мира, его органической целостности.

Иное значение имели революции, не только устранявшие прежнего носителя культуры путем подмены его новым, но и *разрывавшие народное тело на части*, в силу чего единая до того национальная культура утрачивала это свое единство и распадалась на культуры высших и низших общественных слоев. Таков был, например, результат для Афин революции, именуемой Пелопонесскою войною: к концу V века до Р. Х. то, что принято называть греческой культурой, перешло в обладание афинской интеллигенции, все более утрачивавшей национальный характер, в то время как в народных массах, удалявшихся экономически и культурно от высших классов, складывались условия обособленного духовного и материального быта.

Неоднократно благодаря революционным переворотам в истории осуществлялось *восстановление культурного единства*, нарушенного либо в результате длительного эволюционного процесса, либо в силу резкого революционного удара. Так, выросшая на новой социальной базе в результате гражданских войн I века до Р. Х. Римская империя сумела создать и охранить на протяжении нескольких веков амальгаму мировой эллинистической культуры с провинциальными культурными особенностями.

* * *

Революция 1917 года застала Россию в состоянии глубокой культурной разобщенности. Пропасть между носителем того, что принято было называть русской культурой, и народными массами с их своеобразным духовным и материальным бытом залегла издавна и поддерживалась до наших дней в силу исторических, социальных и экономических условий жизни России. В результате этих условий в России на протяжении долгих веков существовало, по крайней мере, два обособленных друг от друга культурных мира. Получалось своеобразное и весьма противоестественное «разделение культурного труда»: интеллигенция творила культурные ценности, не проникавшие в народ и не руководившие властью; носители власти управляли страной вопреки идеалам

интеллигенции и в нарушение хозяйственных интересов народных масс; народные массы строили свое хозяйство вне понимания интеллигентской культуры и в глухой ненависти к представителям власти и их политическим и правовым принципам.

Русская интеллигенция, чувствовавшая свою культурную и социальную изолированность от народа, искала средств для построения моста между собою и народом. Долгое время для этой цели служила идеализация народных масс, по преимуществу крестьянства. Но был и другой путь сближения с народом — «научное» изучение его психики и быта. В русскую деревню, как в области центральной Африки и Австралии, — снаряжались научные экспедиции для этнологического исследования культуры русского мужика. Наконец, художники слова и кисти, интуитивно проникая в этот «иной мир», давали картины его духовного и материального быта, далеко не всегда точные.

Основной культурно-исторической задачей революции 1917 года было создание условий для восстановления русского культурного единства. И эту задачу революция, по-видимому, осуществила полностью. В области социальных отношений она сумела превратить народные массы в сознательных строителей своей и государственной жизни. В области экономической — она поставила труд на подобающее ему место, устранив коренное противоречие между имущими и неимущими, расположив всех в незнающий резких перерывов ряд. Наконец, в области политической — революция нашла такие формы построения власти, которые, будучи непосредственно понятны народным массам, связали носителей власти теснейшим образом с народом во всех его частях.

Тем самым она уже сейчас делает возможным решение основной культурно-исторической проблемы русской жизни: примирение и слияние «русской культуры» в старом смысле этого термина с миром бытовых и духовных особенностей народных масс, русских и инородческих.

Уже и сейчас вполне ясно намечается строительство единой, синтетической русской культуры в обоих главных направлениях: в направлении сохранения и усвоения безусловных ценностей старой русской культуры (в узком смысле слова) и в направлении отыскания и оформления ценностей относительных, построенных из элементов массовой народной психики.

В отношении безусловных ценностей Россия стремится осуществить и действительно осуществляет одну основную задачу — пронести безусловные ценности прошлого через разрушительный хаос революции с тем, чтобы ими постепенно сверху донизу пропитался весь народ, чтобы они стали его неотъемлемым достоянием.

В этой цели: —

Во-первых, прилагаются огромные усилия к поднятию интеллектуального уровня народных масс, т. е. к созданию основного условия усвоения новых для народа культурных ценностей. Конкретно это выражается в борьбе советской власти с неграмотностью путем проведения всеобщего обучения и широкой постановки внешкольного образования.

Во-вторых, прилагаются не меньшие усилия к тому, чтобы абсолютные ценности старого культурного мира могли оправдать свою значимость на непосредственном, а потому для широких масс *убедительном* опыте. Что делать, во имя спасения достижений науки и художественного творчества в периоды тяжелых революционных кризисов необходимо бывает низвести на землю то, чья родина — небо. Только применимость науки общественного характера в государственной работе, только абсолютная необходимость точных наук для промышленной техники и сельского хозяйства, только неустранимость искусства из жизни, обнаруженные на непосредственном опыте, способны оправдать в глазах нового строителя русской культуры науку и искусство. Эта жестокая правда, несомненно, определяет политику советской власти в отношении научных установлений России, ее художественных сокровищ, служителей ее науки и искусства.

В-третьих, прилагаются усилия к охране тех сокровищ знания и искусства, которые по самому своему существу не могут быть сведены с неба на землю, связь которых с землею наглядно недоказуема. Посильное сохранение и поддержание почти в полной неприкосновенности и в меру общих экономических ресурсов страны академий, музеев и отдельных памятников искусства показывает, что и эта задача понята революцией.

В-четвертых, прилагаются усилия к тому, чтобы не прекратился дальнейший рост безусловных ценностей, чтобы не умирала живая творческая традиция. Можно лишь пожалеть, что исключительно трудные условия русской жизни не позволяют в этом отношении сделать всего, что необходимо.

Неизмеримо труднее задача революции в области относительных культурных ценностей: в области права и хозяйства. Правильно разгадать их основу — народную психику, найти адекватное ей выражение в жизни, установить равнодействующую между глубочайшими народными идеалами и требованиями реальной жизни — бесконечно трудно, а подчас просто невозможно без того, чтобы или не поступиться идеалами, или не пойти наперекор жизни.

В большевистско-коммунистической идеологии огромное большинство русского народа, по крайней мере в первый период

революции, узнало свои сокровенные чаяния и мечты о социальной правде, экономической и правовой справедливости. Однако дальнейший ход революции вскрыл противоречие между коммунизмом и крестьянскими идеалами, между коммунистическим идеализмом и житейской практикой. Готовая формула коммунизма оказалась недостаточной, обнаружилась необходимость дальнейших исканий, длительной эволюции. Новая экономическая политика советской власти, ищущая примирения между самостоятельной хозяйствующей личностью и государственным коллективом, новое правительство, ставящее себе целью найти государственные формы, наиболее соответствующие народному представлению об его участии в государственном строительстве, — все это показывает, что вехи дальнейшего культурного строительства революцией поставлены также и в области относительных ценностей.

Так что же? Великая Русская Революция — лишь распад, гибель, разрушение культуры?

Нет. Революция 1917 года творит новую Россию. Выдвинув нового носителя культуры, власти и национального хозяйства, она в высшем синтезе сливает два русских культурных мира: тот, который уже давно признавался «культурным», и тот другой, — таинственный и многоликий, — который в прошлом охотно идеализировался, а ныне, ввиду неожиданности обнаруженных им ликов, стал внезапно, в глазах своих недавних поклонников, «варварским», хамским и зверским. И не вина русской революции, если ее отрицатели в более чем относительном видят что-то вечное (и потому отворачиваются от революции), а подлинно вечного открываемого ею не замечают, не чувствуют.

